

Женя
Галкина

БОГИНЯ
В БЕГАХ

Все люди – разные

Женя Галкина
Богиня в бегах

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Галкина Ж.

Богиня в бегах / Ж. Галкина — «Издательство АСТ»,
2019 — (Все люди – разные)

Полина – женщина, поймавшая удачу за хвост. Она удачно вышла замуж и уже пять лет счастлива в прекрасном загородном доме, но... Однажды Полина находит в ноутбуке мужа целую картотеку женщин! Кто же эти красотки с яркими именами? Полина пускается в самостоятельное расследование. Она находит каждую девушку из картотеки и узнает, что ее муж ищет себе новую жену! А главное открытие – когда-то и она сама была частью подобной картотеки, а ее личность и жизнь украдены мужем ради иллюзии идеальной семьи...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Галкина Ж., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Женя Галкина

Богиня в бегах

© Галкина Е., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

В котором Диана пытается спасти Полину в первый и последний раз

Маленькая Диана лепит снеговика. Она уже скатала первый большой ком и теперь деловито хлопает по нему рукой в теплой варежке. Ком становится гладким и плотным. Диана занята: это сложный проект. Снеговик должен быть не просто снеговиком, а снеговиком-зайцем. Он будет лежать на снегу, прижимая к спине ушки. Такого никто не делал, такого никто не умеет лепить. Это ее, Дианина, идея.

Пока на снегу лежит только первый ком, никто и не догадается, что это заяц.

– Можно я буду лепить его с тобой? – лепечет голосок с другой стороны кома.

Диана выглядывает и видит девочку. У той пушистая светлая челочка, носик пуговкой, губки бантиком. На ней красивое пальтишко, из-под пальтишка видна кружевная юбочка. Ботиночки – ах, черные и лакированные на каблучке! Не то что Дианины валенки!

– Можно, – разрешила Диана и подвинулась.

– Как хорошо! – обрадовалась девочка. – Я так мечтала слепить зайчика!

– А откуда ты знаешь, что это зайчик? – удивилась и слегка расстроилась

Диана. – Это был мой секрет!

Девочка улыбнулась, протянула ручки к Диане и поплотнее завязала ее шарфик.

– Вот, – сказала она, а то замерзнешь.

– Спасибо. – Диана помолчала немного. Обе они теперь хлопали по снежному заячьему боку. – А как тебя зовут?

– Полина.

– А меня Диана. А вон моя мама! – И Диана махнула рукой в сторону, где мама с соседкой тетей Аней обсуждали какие-то постельные комплекты, пристукивая каблучками от холода. – А где твоя?

– Моя мама умерла, – серьезно ответила Полина.

Диана расстроилась окончательно. Ее детское сердечко затопило горькой жалостью к милой девочке, у которой – удивительно и страшно! – нет мамы...

– Подожди здесь, – велела Диана и побежала к своей маме. Все решится очень просто! Она попросит маму взять Полину к ним жить, и у нее будет сестра!

– Мама! Мама! – кричала она. – Давай возьмем эту девочку к себе! У нее умерла мама! Пусть живет с нами!

– Какую девочку? – удивилась мама, поворачиваясь к ней.

Ее брови недоуменно сошлись, губы поджались. Она внимательно осматривала голубеющую в вечерних сумерках площадку, на которой никого, кроме заячьего бока, не было.

– Полину же! – сказала Диана и обернулась.

Полины нигде не было.

– Полина! Полина! – закричала Диана и кинулась назад искать свою подружку.

Она бегала по снегу в быстро сгущающихся сумерках, ища Полину, и в груди ныло недетское горе потери, жгло ее душу, и слезы текли по щекам, а растерянная мама шагала за ней и пыталась понять: что же случилось с ребенком, который только что мирно лепил снеговика?..

Глава 1

В которой Марго торжественно объявляет Полину душой, а Полина находит платье цвета лондонского дождя

Полина всегда вставала чуть свет, вместе с мужем. Она не могла нежиться в кровати, слыша его шаги то на лестнице, то за стеной, то вовсе – крадущиеся – вокруг нее.

Вставала, надевая легкий шелковый халатик, теплые тапочки, и спускалась вниз. Пока Глеб плескался в душе, она убирала мягкие светлые кудри в хвостик и готовила кофе с яичницей и тосты. Завтракал Глеб плотно, чтобы хватило сил до обеда, поэтому Полина до румяной корочки обжаривала ветчину или бекон, старательно нарезала сыр и до блеска вымытые овощи, а себе сооружала салатик, добавляла ложечку оливкового масла и щепоть прованских трав или листики свежего базилика.

Солнце лилось сквозь высокие окна сплошным золотым потоком, на полу лежали легкие кружевные отпечатки теней от яблоневых веток.

Пять лет назад, когда Глеб привез ее сюда после больницы крепнуть и выздоравливать, она первым делом открыла все окна и впустила в дом душистое бело-розовое цветение яблонь, вишен и груш, густо растущих на участке в двадцать соток.

Со временем Глеб привел в порядок полузаброшенный сад: где-то заасфальтировал дорожки, где-то выкорчевал деревья и кустарники и покрыл землю безупречным газоном. От ворот до входа в дом проложил широкую дорогу, накрытую прозрачной пластиковой крышей.

Рабочие в один день установили сказочную деревянную избушку сауны, выкопали и декорировали прудик.

Опытные садовники соорудили альпийскую горку, прикрыли стены двух гаражей выюнками.

Полина с грустью наблюдала, как тает на глазах волшебное цветение, похожее на белый крем кокосового пирожного. Словно кто-то невидимой ложкой загребает. То там прогалина, то там пролысина...

Глеб заметил, что Полина приуныла, и, приобняв ее, сказал:

– Поля, мечта так просто не дается. Ты хотела все это великолепие? Сауну, прудик, цветочки? Значит, придется обойтись без сада.

Полина поежилась. «Поля» – сто раз просила не называть ее этим именем, похожим на имя волнистого попугайчика. Но она уже поняла, что Глебу так удобно и менять свои привычки он не будет.

– Давай хотя бы возле дома деревья оставим, Глеб? – попросила она. – Чтобы просыпаться – а они в окна...

Глеб подумал и кивнул.

– Посмотрим на них. Если аварийных гнилушек нет – оставим.

– Спасибо.

Так Полина сохранила остатки старого сада. Прошло пять лет, и яблони цветут еще пышнее, словно в благодарность Полине за свое спасение.

Полина понимала эту благодарность, но не могла не поймать себя на корысти: если бы не будили в ней странные полузабытые чувства любви и радости эти легкие лепестки, ароматные, как фруктовое вино, она бы без сожаления рассталась с ними. И высадила здесь, например, туи.

Солнце лилось сплошным золотым потоком. Полина даже замурлыкала что-то, наслаждаясь майским теплом. Надкусила тост, проверила – хрустящий, – и выложила оставшиеся

на тарелку, а следом – поджаренные яйца, ломтики бекона, кружочки помидоров, базилик, немного оливкового масла.

Последняя капля кофе упала в белую фарфоровую чашку, когда Глеб появился на пороге кухни.

Завтракал он всегда в «натуральном», как сам это называл, виде – обмотав бедра полотенцем и еще мокрый после душа. Одеваться заранее побаивался, потому что ел неряшливо, влезая локтями в соусы, обсыпаясь крошками, роняя на колени то помидоры, то яичницу и обязательно проливая кофе на стол и на себя.

Полина привыкла и держала под рукой салфетки. Сама она завтракала позже – в одиннадцать часов, поэтому садилась с мужем за стол просто так, за компанию.

Это был ритуал, который соблюдался неукоснительно. После завтрака она завязывает ему узел галстука – еще один ритуал, поцелует на прощание и будет стоять на крыльце, пока его «мерседес», пятясь задом, выкатит из гаража и, наконец, исчезнет за воротами. После этого весь день принадлежит Полине – до позднего вечера.

Иногда, когда Глебу нужно задержаться по работе, Полина и ночует одна. Тогда она подолгу сидит в темноте спальни второго этажа, на огромной кровати, в белоснежных простынях и подушках, с бокалом вина в руке, и смотрит вниз, в чудесное хитросплетение черно-белой графики. Тени, углы, углы и тени. Привычный двор изменяется до неузнаваемости. Днем он цветущий, яркий, вылизанный до последнего камешка. А ночью – ух, холодный, геометрически-прекрасный... как стократно увеличенная снежинка на черном фоне.

Раньше такие ночи были редкостью, и Полина принимала их как подарок грустного одиночества, в котором она почему-то нуждалась. Теперь таких ночей стало слишком много, и Полина встревожилась, но как донести свою тревогу до Глеба, в какие слова ее облечь, не знала.

Поэтому ничего не менялось: утренние ритуалы оставались прежними, дни протекали все так же.

– Поля, – сказал Глеб, дожевывая последний тост и смахивая на пол крошки с широкой волосатой груди, – какие у тебя планы на день?

Он всегда задавал этот вопрос и днем несколько раз звонил, проверяя – делает ли она то, что задумала?

– Левкой высажу, – не задумываясь, ответила Полина, – табак душистый решила в этом году вдоль забора пустить. Рассада давно готова.

– Умница, – похвалил Глеб, – ты так мечтала о цветнике.

– Еще я позвала Марго. Она обещала приехать к обеду.

– Только не напивайтесь, – предупредил Глеб. – Выпейте бутылочку под сплетни, и хватит. Вечером мне ее опять домой отвозить, хотелось бы, чтобы дамочка была в форме, а не как всегда.

Он встал из-за стола, с хрустом потянулся массивным, начинающим грузнеть телом и пошлепал одеваться.

Полина быстро убрала посуду, смела крошки и побежала следом – завязывать галстук.

Галстуков у Глеба было множество: их можно было назвать его маленькой слабостью. Мужчины его круга часто заикливались на мелочах, пытаясь сделать их своей фишкой: кто-то щеголял портсигарами, кто-то запонками, а Глеб избрал предметом обожания галстуки. Полина, открывая шкаф и созерцая бесконечные разноцветные ленты, свернутые и висящие змеями, матовые и глянцевые, шелковые и шерстяные, однотонные и узорчатые, никогда не терялась.

Именно ее руками должен был торжественно извлечен нужный галстук, и ее руками он должен быть безупречно завязан.

Рубашки Глеб тоже практически коллекционировал, но особенного пиетета к ним не питал – они были просто фоном.

Сегодня он избрал бледно-розовый «фон», настолько светлый, что Полина еле-еле уловила оттенок.

– Галстуки, галстуки... – пробормотала она, вытаскивая нужные. – Выбирай: либо в тон, либо вот этот, классика Barberry... Или – вишня.

– Клеточку, – выбрал Глеб, и Полина потянулась к нему повязывать галстук.

Его лицо наклонилось к ней, и Полина внимательно всмотрелась, пока пальцы привычно двигались вокруг шеи Глеба.

Лицо как лицо. Квадратное. С морщинами на лбу, и уже глубокими. С мощной челюстью, немного даже обезьяньей... После бритья кожа кое-где красноватая. Волосы модного оттенка «соль с перцем». Глеб хотел поседеть именно так, поседел рано и даже обрадовался.

Глаза светло-карие.

Полина быстро отвела взгляд. Светло-карие глаза Глеба смотрели на нее с гордостью, теплом и восхищением.

А она? Она-то разглядывает его равнодушно, как следователь, дознаватель, как преступника она его рассматривает.

Как предателя.

Разве так можно смотреть на любимого мужа? Разве так можно смотреть на него – без единого доказательства вины? Ну, не ночевал он дома три раза за одну неделю... Так и работает он как! На износ! Все ее, Полинины, мечты он исполняет. Хотела загородный дом? Пруд? Сауну? Цветник?

Хотела быть домохозяйкой, уйти от суеты большого города?

Все, все для тебя сделано, Полина! Разве можно так... подло его подозревать?

– Поля, – сказал Глеб, мягко целуя ее в губы. – Через неделю я поеду в командировку. Ненадолго – всего на месяц. Как пару лет назад, помнишь? Снова в Англию.

Полина не помнила, и вопрос явно отразился на ее лице.

– Два года назад я ездил на конференцию. Привез тебе серое шелковое платье. Ты еще восхищалась – мокрый шелк, мокрый шелк! Говорила, что оно рождено под лондонским дождем... Не помнишь? – он с тревогой всмотрелся в ее глаза, потом взял за плечи и аккуратно потряс. – Поля, девочка моя бедная...

Полина прислонилась к его плечу и прикусила губу. То, что она не помнит никаких прошлых поездок и платьев в стиле лондонского дождя – ерунда. К провалам в памяти она уже привыкла. А вот то, что Глеб собрался уезжать, это важно. Это может быть настоящей зацепкой, ведущей к правде. А как выяснится правда – будет легче смотреть ему в глаза.

– Хорошо, Глеб, – кротко сказала она. – Тебе помочь со сборами?

– Конечно, – он снова коротко ее поцеловал и посмотрел на часы. – Я составлю тебе список, а ты все соберешь. Но это – ближе к делу. А пока – отдыхай, девочка моя. Сажай свои любимые цветочки, гуляй с подружкой.

Полина провожала его, стоя на крыльце. «Мерседес» пятился-пятился, потом развернулся, словно крупная акула в узком проливе, и пропал за воротами, а те медленно поползли, закрывая от взгляда кусок улицы – мимо спешила женщина, толкая ярко-красную коляску с щекастым малышом.

Щелчок – и женщина пропала.

Полина вернулась в дом и, прежде чем вернуться к ежедневным делам и заботам, заглянула в гардеробную. Там, среди смешанных запахов цветочных духов, она с легким стуком перебрала все плечики с платьями: бледных тонов – пепельно-розовых, сумрачно-голубых, кофе с молоком; с цветочками, с вышивками, с летящими длинными юбками... Вот

и пепельно-серое платье струящегося прохладного шелка. С белым геометрическим узором на груди. Свадебное платье Мэри Поппинс.

Глеб говорил, что у нее самый лучший вкус, – она носит только женственные, длинные платья округлых силуэтов и приятных цветов. Никакой вульгарщины.

И платья он дарил ей по вкусу. Лондонский дождь. Значит, командировка была.

Полина повертела платье в руках и нащупала под юбкой твердый прямоугольничек. Откинув шелк, она потянула за него и увидела магазинную этикетку. Черная, с красивым узором, с виньеткой вокруг названия и года коллекции.

Значит, Полина ни разу его не надела. Что ж, неудивительно. Выезжать ей некуда и незачем – бешеный темп работы в прошлом довел ее до тяжелейшего нервного срыва, и она пожелала уйти от суеты в тихий садик своей мечты.

Все, кто хотел ее навестить, приезжали сами. Несколько раз за пять лет Глеб устраивал вечеринки-барбекю, куда приглашал только коллег.

На них Полина тоже не наряжалась. Глебу это нравилось – он хвалил ее за скромность и целовал в макушку.

Парикмахер, косметолог, врач и массажистка – все они появлялись раз в неделю по установленному расписанию.

Марго приезжала по приглашению, и это была единственная подруга «из прошлого». Полина понимала, что это означает – настоящая подруга. Остальные быстро отвалились от нее, как только она ушла с руководящей должности большого холдинга, как только поселилась на отшибе и занялась высаживанием цветов. Полина не горевала – она плохо помнила этих людей. Мелькали в памяти какие-то имена и тени: то Марина, то Антон с Владом... Но кто такие эти Марина и Антон? Глеб давно сказал, как топором отрубил: они тебе никто. Паразиты, которые сосали соки, пока сладко да гладко шло. А как ты заболела – так нет их никого, все разбежались.

И Полина согласилась – да уж, ну и жизнь она вела... ничего настоящего... Хорошо, что есть Глеб, добрый муж, стена, опора, сила, и Марго – подруга со школы, готовая поддержать и Полину-бизнес-леди, и Полину-домохозяйку.

О том, что ей было невыносимо, до сумасшествия, скучно в огромном доме с пустым садом, Полина умалчивала.

Этот дом – ее мечта, осуществленная Глебом. Он предусмотрел для нее все – даже рыбок запустил в пруд именно таких, каких она хотела – бело-красных пятнистых карпов.

И признаться Глебу, что здесь ей скучно – Полина не могла. Была и другая причина, по которой Полина молчала. Глеб говорил, что перед нервным срывом она, расписывая ему прелести загородной жизни, обмолвилась, что хочет растить на природе деток – мальчика и девочку.

Такого желания Полина не помнила совершенно, поэтому поначалу она отнекивалась нездоровьем, потом – остаточными провалами в памяти, мол, дорогой, а вдруг я забуду, что у меня мальчик и девочка? Вспомню только мальчика, например. Или только девочку. И что тогда делать?

Потом, когда выяснилось, что провалы относятся только к долгосрочной памяти и становятся все реже, скользкий вопрос о детях снова поднялся, но Полина упорно его саботировала, и Глеб отступил.

Полина чувствовала, что отступил он временно, и стоит ей только пожаловаться на скуку – как он тут же начнет расписывать, какой прекрасной матерью она мечтала стать, как желала наряжать девочку в платьица, а мальчика отдать в секцию футбола...

Все это звучало очень заманчиво, и Глеб был убедителен, но Полина чувствовала сильнейший и необъяснимый внутренний протест.

Нет, прежние ее мечты о детях теперь не мечты, а настоящий ужас. Она не согласна. Никому и никогда она не смогла бы объяснить этого протеста: у нее было все, чтобы обеспечить не одного, не двух, а целых четверых, но – нет.

Лучше уж скучать.

Глеб, впрочем, делал все, чтобы занять жену. Врач настрого запретил ей негативные эмоции, поэтому ни телевизора, ни компьютера в доме не было. Глеб пользовался ноутбуком, который всегда носил с собой. Он же и рассказывал ей новости, выбирая те, которые могут порадовать. Например, о спасении колонии морских котиков от браконьерских судов, или о том, что в Японии началось шествие цветов, и вскоре вся страна будет любоваться цветением сакуры.

Он приносил ей красочные альбомы живописи или фотоальбомы коллекций музеев мира, наборы алмазной вышивки, вышивки бисером и крестиком, покупал ленты, иглы, ткани, и Полина, надев очки в тоненькой титановой оправе, часами вышивала.

У нее было безукоризненное понимание цвета и формы. Ей не составляло труда подобрать по каталогу цвета лент или бисера, с помощью которых она потом воссоздавала знаменитые «Подсолнухи» Ван Гога или «Кувшинки» Моне.

Монотонная творческая работа была полезна с точки зрения доктора, а результат очень нравился Глебу. Он отвозил каждую новую вышивку в багетную мастерскую, обрамлял ее дорогим деревом и вешал куда-нибудь на стену. Так образовалась красочная и обширная галерея Полининых вышивок.

Марго только ахала, разглядывая их, и бормотала что-то о выгодных продажах... Полина благосклонно принимала комплименты, но сама чувствовала острое неудовлетворение. Что-то с этими «картинами» было не так. Были они ей неродными, чужими и непонятными, разочаровывающими. Как Даниле-мастеру не давался Каменный Цветок, так и Полине не давался идеал творчества, к которому она безотчетно стремилась.

Но занятия вышивкой она не бросала: какое-никакое развлечение, и Глебу нравится.

Полина старалась жить так, чтобы не оставалось ни одной свободной минуты. Она давно создала плотное расписание на каждое время года, и листала его, как календарь, вписывая новое, удаляя старое и добавляя изменения, когда они были нужны.

Весной, в мае, она вставала засветло, отправляла Глеба на работу, а после занималась уборкой. Пыль в огромном двухэтажном доме вытирала вручную, тщательно полировала светлые поверхности цвета липы и яблони, мраморные каминные полки и столешницы, подоконники, бело-малахитовые. Вытаскивала пылесос и гуляла с ним по коврам, держа на вытянутой руке (ей всегда представлялся в эти моменты Сальвадор Дали, прогуливающийся с муравьем). Нежно-персиковый ковер, пушисто-лиловый ковер, снова персиковый, кофейный, немножко темного шоколада... и зефирно-взбитые белые ковры в ваннных комнатах и душевых – для этих требовалась отдельная деликатная насадка, а раз в неделю Полина мыла их с нежнейшей пеной.

Полина натирала паркетные полы – паркет заказывал лично Глеб и очень гордился его натуральностью и очевидной дороговизной. Калейдоскопы мозаичного паркета кружились перед глазами, сияя обновленной влажностью.

Распахнув окна, Полина неслась из комнаты в комнату, всюду нажимая кнопочку спрятанного освежителя: за ней следом неслись ароматы вербены и гардении, жимолости и ландыша.

Потом она безжалостно сдирала с кровати белоснежное, еще скрипящее белье и волокла его в стиральную машину. В соседнюю машинку загружались рубашки Глеба. Собственное белье – хлопковое, с ручной вышивкой, Полина стирала руками, не доверяя даже деликатным режимам стирки.

Так она могла кружиться весь день, носясь из комнаты в комнату и перебирая все варианты ухода за домом: ежедневная уборка, стирка и готовка; генеральная уборка, стирка и изысканная кухня под бокал дорогого вина; уборка выходного дня, стирка, выпечка или создание сложного торта...

Варианты очень хорошо комбинировались и отнимали много времени – так, как и хотелось Полине.

Обязательные часы она отводила для того, чтобы совершить пробежку на беговой дорожке или покрутить педали велотренажера, по дням недели заменяя тренажеры йогой и фитнесом под видеозаписи с американскими тренершами. Она занималась дома, а Глеб – в фитнес-клубе, однажды ставший причиной небольшой ссоры: Полина просилась ходить с ним, он отказал...

Принимала душ, накладывала маски, мазалась у зеркала кремом, аккуратно трогая кончиками пальцев припухлости над верхними веками – они беспокоили ее, но косметолог уверяла, что ничего страшного и никакой коррекции пока что не требуется.

После обеда Полина отправлялась в сад – надевала бриджи и маечку с открытой спиной, надеясь подзагореть, и – огромную широкополую шляпу, чтобы не сжечь чувствительную кожу лица.

Там всегда находилось, чем заняться: подергать, подрезать, полить, подкопать, собрать, сгрести, сжечь, перенести, пересадить, помыть, обновить, подвязать...

Из всех цветов на участке хорошо принялись только те, которые были высажены на альпийской горке опытными садовниками. Остальные, что высаживались Полиной, росли вкривь и вкось, постоянно мерзли и обгорали, желтели и сохли. Она билась над ними, как птица над птенцами, но цветы игнорировали ее усилия.

Как-то распустились ранней весной где-то на задворках тюльпаны, клубни которых она бросила туда безо всякой надежды. Взошли и распустились!

Полина, кутаясь в тонкую шерстяную шаль, задумчиво смотрела на их плотные хрустящие бутоны.

Глеб обрадовался:

– Ну вот, все и зацвело! Как ты и хотела, девочка моя.

Тюльпаны Полина почти сразу срезала и поставила в вазу. Они долго раскрывались, чтобы показать угольное свое нутро, а потом в одночасье осыпались.

Но левкой! Полина прочитала, что если рассада взошла, то посадить и уберечь левкой сможет даже ребенок. Она посадила рассаду в марте, как полагается, а сейчас, в начале мая, пришла пора их высаживать. Пусть исполняют мечту.

Марго обещала приехать к обеду, поэтому Полина сильно изменила свое расписание. Уборку сделала наспех и сразу взялась за готовку, а потом, пропустив пробежку, пошла устраивать уютное гнездышко на площадке для барбекю.

Оно было готово как раз к тому моменту, когда под воротами раздался сигнал «опеля» Марго, прозвучавший как фанфары.

Марго все делала особенно громко и торжественно: даже ходила так, словно с каждым шагом каблук втаптывала в грязь гордость своих врагов. Она была монументальной женщиной – баскетбольного роста, статная, с длинными руками и ногами.

Из небольшого «опеля» Марго выдвигалась по частям. Сначала появилось костистое, словно каменное, колено, потом второе, за ними – мощные ляжки и бедра, следом вытянулись руки с французским маникюром на длинных пальцах, и только потом показалась голова Марго. Она смотрела исподлобья, потому что держала голову сильно набок – чтобы не упереться высоким пучком волос в потолок салона авто.

– Мне сначала показалось, что ты голая, – призналась Полина, принимая от гостьи подарок – бутылку африканского вина.

– Что? А! Изумительно, да? Цвет нюд. И это не костюм: брюки и лонгслив брала отдельно. Правда, идеально? Тон в тон. Очень модно. С жирами на боках такой цвет не носят, поэтому редко кому идет.

– Тебе идет, – согласилась Полина.

«Жирами» на боках Марго никогда не страдала. Но ее огромное мощное тело так голо смотрелось в модном цвете нюд, что было как-то неловко.

– Впрочем, я привезла переодеться, – сказала Марго и снова сунулась в машину, а вылезла обратно уже с большим бумажным пакетом в руках. – У тебя же тут природа.

– Отлично, – с облегчением выдохнула Полина. – Переодевайся и приходи к беседке. Я там стол накрыла.

Вскоре они уже сидели за столиком, уютно укутав ноги большими клетчатými пледами, которые Полина называла «уличными», и пили вино. Полина жмурилась от удовольствия, распознавая в богатом вкусе то нотку ванили, то дыни, то печеного яблока.

– Прекрасно же, – вздохнула Марго, пальцами отламывая кусочки от запеченной в слое- ном тесте форели, которую Полина подала к вину. – Благодарь.

– Главное, не напиваться, – сказала Полина, с сожалением отставляя бокал. – Глеб волнуется. Говорит, врач категорически против алкоголя.

Марго фыркнула.

– А какой врач тебе его порекомендует? Они всегда так говорят... Хотя! В Испании роженицам дают бокал вина. В процессе и после завершения. Считается – полезно! А раньше, в Средневековье, в Италии недоношенных и слабых новорожденных купали в горячем вине со специями. Слышишь, Польша! Глинтвейн с дитём!

– Марго, – поморщилась Полина, – сколько раз говорить: полька – это танец такой... ну не нравится мне это имя.

– Грустная ты, мать, – заметила Марго, отщипывая форель и оборачивая кусочек золотистым тестом. – Зря я про рожениц, да?

– Нет, – отмахнулась Полина и укуталась в плед.

Майское тепло обманчиво – под кронами вишен пляшет холодок.

– Роженицы и глинтвейн меня не расстраивают... Я по другому поводу...

– Ой, ну ты с Глебом поговори, – наклонилась Марго поближе и снова вытаращила глаза, красиво обведенные тоненькими стрелками, – он тебе любого врача найдет и на блюдецке предоставит. Нет такого диагноза – бесплодие, в наше-то время! Я знаю, ты всегда мечтала...

– Да погоди ты! – прервала ее Полина. – Нет у меня бесплодия! Пей вино и слушай, я тебя умоляю.

И она коротко рассказала подруге все, что происходило в последнее время: о ночных отлучках Глеба, о неожиданной командировке, о царапающем чувстве, которое поселилось в душе Полины и не отпускало ее: чувство гадливости, подозрения...

Марго слушала, иногда скептически и очень красиво выгибая бровь, а иногда шумно шепча: «Да ты чо-о-о?...»

– Я вот что хотела спросить, – начала Полина, нервно постукивая пальцами по столу. – Глеб... он вообще – женщинам может нравиться?

Несколько секунд Марго смотрела на Полину в недоумении, а потом запрокинула голову и громко захохотала, салютуя бокалом кому-то невидимому.

– Д-у-у-у-ура! – сквозь хохот ревела она. – Ну ты и д-у-у-у-ура, Польша!

Полине стало стыдно. А еще – шевельнулось в глубине души чувство, немного похожее на злость, но его она привычно задавила.

Марго, отсмеявшись, откинулась на спинку плетеного кресла, извлекла из кармана короткой курточки портсигар и, изящно шелкнув, открыла.

Пока она позировала с зажигалкой и сигаретой, нагнетая обстановку, Полина терпеливо ждала. Она знала подругу и ее любовь к театральным паузам.

– Польша, ты же не просто дура, – с какой-то жалостью проговорила Марго, украшая себя плюмажами белого дыма. – Ты же рохла и лохушка. Не спорь! Я тебя с детства знаю – со школы. Кукла-Поля-не-плачь, вот ты кто! Подожди!

Полина и не думала перебивать и спорить. Прищурившись, она смотрела на пятнышки солнца, усыпавшие столешницу как шкуру новорожденного олененка.

– Ты и в концерне своем сгорела – почему? Потому что все на тебе ездили. И пользовались твоей небесной добротой и безотказной поддержкой. За всех пахала, за каждого! Хорошо, что за уборщицу вечерами не оставалась полы драить... Вот отсюда, дорогая моя, и твое профессиональное выгорание, и нервный срыв, и башка ку-ку. – Марго постучала согнутым пальцем по виску и почти залпом опустошила свой бокал. – Наливай еще.

Она подождала, пока Полина снова наполнит бокал, и продолжила.

– Но бог таких, как ты, мучениц и лохушек, любит, Польша. Любит нежною любовью. Вы для него – соль земли. И поэтому он тебя вознаградил. Выдал тебе в мужья Захаржевского. Красавец, самец! На руках носит, пылинки сдувает! Царь! Посмотрит – колени подкашиваются! Позовет – побежишь, теряя тапки! Лев! Император! Мономах!

Полина рассмеялась. Марго, чувствуя, что зарапортовалась, тоже приснула и полезла обниматься, обдавая Полину терпким запахом духов и дынным – белого вина.

– Ты только не думай, что это я его того этого... окрутила, – сказала она, прижавшись лбом к Полининому плечу. – У меня свои львы-императоры имеются. Но, Польша! Какие любовницы, когда Захаржевский тебя так любит! Он же сгорает от любви уже десять с лишком лет. Любой твой каприз – ему как... как заповедь на скрижали!

Она широким жестом обвела рукой дом и сад.

– Нет, Польша, никаких любовниц, я уверена. Ты просто дура.

– Марго, – не выдержала Полина, – следи за языком хоть иногда. Неприятно.

– А мне так положено, – ничуть не растерялась Марго, – я же лучшая подружка главной героини. По законам любовного романа им полагается быть резкими и дерзкими и резать правду-матку в лицо.

Полина только рукой махнула. Бороться с хамством Марго казалось бесполезным. Она задумалась ненадолго, осмысливая услышанное: лев-самец, на руках носит... Ей представился большой желтый лев с потешной мультяшной мордой, держащий в лапах ее, Полину, и она улыбнулась.

– Ну если тебя так сильно это волнует, – разглагольствовала дальше Марго, жуя оливки одну за другой, – то будь внимательнее: посмотри кармашки, понюхай воротнички, почитай бумажки, позвони на работу – внезапно так, неожиданно! Обычный женский шпионский арсенал.

Полина почему-то машинально отметила, что Марго не внесла в «арсенал» проверку ноутбука, и эта мысль, хоть и не задержалась надолго, но чем-то ее зацепила.

– И с кем он может тебе изменять? – вещала Марго после обеда, бродя за Полиной по садовым дорожкам с бокалом в руке. Африканское вино закончилось, пришло время Испании – испанское Полина только пригубила. – Секретарши? Слишком банально. Коллеги? Польша, ты видела тех коллег?

– Иногда, – сказала Полина, присаживаясь на корточки и осторожно вынимая из плетеной корзины рассадку. – Приезжали к нам на шашлыки. Приличные тетеньки.

– Дай шляпу, – сказала Марго и тут же схватила Полинину шляпу, – мне надо прикрыться, лицо горит... Приличные тетеньки – это значит не женщины, а чулочно-носочные изделия. Глебу такие не нужны.

– Глеб ходит в фитнес-клуб. А там наверняка уйма красивых женщин! – напомнила Полина, утирая со лба пот рукой в тоненькой перчатке, перемазанной землей.

– Думаешь, там нашел себе бабу? – удивилась Марго и присела рядом с Полиной. На корточках ее ощутимо пошатывало. – Была я в тех фитнес-клубах, там редко красотки появ-

ляются, обычно толстушки на похудении... Польша, сажай цветы сюда, красотища будет, зачем ты их в разные стороны тычешь?

– Не будет красотищи, будет – ту мач. Может, тогда тренерша? – продолжила цветочно-детективный разговор Полина. – Они-то точно все свежие и сочные, как яблочки. Надо поискать его карточку и позвонить туда, что ли... разузнать, к кому он там ходит – тренеру или тренерше?

Марго долго и старательно качалась туда-сюда, пытаясь обрести равновесие, но в итоге ткнулась коленями в только что вскопанную землю, а руками – в высаженные левкой. Вино пролилось.

– Вот как! – удовлетворенно заявила Марго. – Вот как хорошо, что я сняла нюд и джинсы нацепила... Польша, подними меня.

Полина схватила подругу под мышки и потащила на себя. Несколько секунд они пыхтели вместе: Полина, пытаясь поднять Марго, а Марго – безуспешно топоча каблуками по дорожке.

– Эх, погоди-ка! Отпусти.

Полина отпустила, и Марго, встав на четвереньки, поднялась осторожно и растопырившись как краб.

– А что ты будешь делать, если он тебе изменяет? – как ни в чем ни бывало, сказала она. Будто и не прерывалась.

– Разведусь, – просто ответила Полина.

– Дура, – в сердцах рявкнула Марго.

Глава 2

В которой Полина находит Иветту, Лизетту, Мюзетту, Жанетту и Жоржетту и начинает настоящее расследование

Полина безукоризненно выполняла годами устоявшиеся ритуалы, оставаясь приветливой, ласковой и улыбчивой. Глеб чувствовал себя в полной безопасности, и ни на йоту не изменил своего поведения.

Утром он пел и плескался в душевой кабине, потом завтракал, одевался, выбирая галстук с помощью Полины, и уезжал на работу... Он не пересчитывал флэшки, хранившиеся в ящике стола, и не заметил, что в понедельник их стало не десять, а девять.

Он не придал значения тому, что во вторник завтрак немного запоздал – Полина сослалась на недомогание и задержалась в постели, пока он принимал душ.

Он не мог заметить, что ноутбук кто-то брал: потому что тот лежал точно так, как и всегда, ни миллиметром правее или левее.

И тем более он не заметил, что в гардеробной жены все перевернуто вверх дном: он туда попросту не заглядывал, а ведь именно с гардеробной и началось Полинино настоящее расследование.

Визит Марго в пятницу закончился тоже ритуально: Глеб, как и десятки раз прежде, иронично улыбаясь, загрузил ее на заднее сиденье ее собственной машины, Полина протянула бутылку минералки и пакет с парадными шмотками, в которых Марго приехала.

Марго, икая и размахивая руками, оставила на щеках Полины размазанные следы помады и поклялась в вечной дружбе.

Раньше Полина задумывалась: почему Глеб, обычно такой строгий и серьезный, не терпящий пьяных женщин, взял на себя обязанность возить Марго?

Она осторожно спросила его об этом, и Глеб рассмеялся:

– Ради тебя, дорогая моя девочка. Я знаю, что ты беспокоишься за эту дуришу и, если с ней что-то случится, снова дойдешь до нервного срыва. Я не ее берегу, я тебя берегу.

Полину тогда полностью удовлетворил этот ответ, но после разговора о любовницах в ней почему-то проснулись подозрения.

Она стояла на крыльчке, провожая взглядом выезжающий «опель» с Глебом за рулем. Сумерки и дружественные ей яблони скрывали ее неподвижную фигуру и внимательный взгляд. Отвлекись Глеб от маневра – не заметил бы ее ни за что, но он и не смотрел, уверенный, что жена ушла в дом, укрылась в уютном тепле от зябкого майского вечера.

И Марго, видимо, тоже посчитала так же, потому что выпрямилась на заднем сиденье, деловито встряхнула головой и принялась поправлять прическу, пристально глядя перед собой – в зеркало заднего вида, как поняла Полина.

Наверняка глаза Глеба и Марго, протрезвевшей так неожиданно, встретились в отражении, потому что Марго слегка улыбнулась.

Полина тихонько проскользнула в дом, перебирая в памяти все, что было связано с Марго в ее жизни: школа, которую Полина не помнит. Выпускной, на котором Марго случайно порвала Полине платье, – Полина не помнит. Марго – подружка на свадьбе – отодвинула тамаду на второй план и была сногшибательна в совершенно прозрачных брюках... Полина помнит смутно, но есть фотографии: на каждой Марго, широко раскрыв рот, смеется в камеру. В ее руке то бокал, то букет, то Полинино плечо.

Марго в гостях, всегда резкая, всегда откровенная и циничная, и почему-то постоянно пьяная, словно ее цель – накачаться вином так, чтобы Глеб Захаржевский был вынужден везти ее домой. Или не накачаться? Или не вынужден?

Размышляя, Полина медленно вымыла посуду – она всегда мыла ее вручную, потому что Глеб считал, что в посудомоечной машине тарелки остаются грязными и жирными, хоть и выглядят чистыми.

Цветущие яблони вместе с ночным ветром шумели за окном. Полина вдыхала смесь нежного аромата цветения и резкого запаха остывающей травы. Она всегда делала так, когда в душе поселялось смутение – дышала глубоко и медленно.

Этот простой прием помог ей не сойти с ума, когда пять лет назад она очнулась в жизни с пустого листа: когда впервые увидела Глеба, наклонившегося над ее кроватью с тревогой в глазах; доктора, улыбавшегося ее первому осознанному пробуждению, и других совершенно незнакомых ей людей.

Посуда вымыта. Последний бокал, тонкий, в голубых искрах, Полина поставила сушиться на бумажное полотенце.

Теперь все идеально: чисто, аккуратно, Глеб ни за что не придерется.

Уверенным шагом Полина направилась в гардеробную и снова выдернула из разноцветной шелестящей толщи платьев плечики с серым лондонским «дождем». На прямоугольной этикетке витым стилизованным шрифтом было выведено «Marc Jacobs. Collection 2016».

Глеб говорил, что был в командировке в Англии два года назад, в 2014. Платье было куплено накануне разговора о новой поездке.

Два года назад его в Полинином шкафу не было и не могло быть, если только тряпки не приновились путешествовать во времени.

Полина повесила платье обратно, а этикетку оторвала и сунула в карман домашних брючек. В задумчивости она прошла по комнатам дома своей мечты, пять лет в котором она была счастлива сонным, скучным счастьем домохозяйки.

Пять лет она купалась в требовательной любви Глеба: он никогда не указывал и не командовал, но всегда давал ей понять, что хорошо, а что плохо, по его мнению. А она привыкла поступать «хорошо». Хорошо быть затворницей, уйти из большой жизни, разорвать все связи. Хорошо быть доброй, податливой, улыбчивой и разбираться в галстуках. Хорошо готовить вкусно и разнообразно, хорошо – надевать в постель миленькие хлопковые трусики. Шить и вышивать – хорошо. Хотеть детей – очень хорошо!

Плохо – водить машину, работать и общаться со множеством мужчин, плохо – есть в ресторанах вредную еду, носить вульгарное кружевное белье и короткие платья и юбки. Плохо – забивать голову мужскими заботами о деньгах и работе, плохо скучать, спорить, грустить, унывать.

Хорошо быть настоящей женщиной, а еще лучше – «родной девочкой». Плохо – быть оголтелой современной бабенью.

Полина остановилась перед зеркалом и поправила светлые кудряшки. Она – настоящая женщина, мягкая, ласковая, хозяйственная, творческая – она украсила дом своими изделиями, она украшает сад, блюда, которые подает мужу, она украшает его жизнь.

Она внимательно слушает его и почти никогда не противоречит, она знает свое место и знает, что он умнее ее, рациональнее, логичнее, сильнее. Ее же сильные стороны – доброта, отзывчивость, красота. Она надежный тыл, она мечта, она та, кого он готов носить на руках всю жизнь...

Полина все это знала, и знала, что именно такая она и нужна Глебу. Но тихий вкрадчивый шепот звучал в ушах: «Полина, ты могла ему просто надоесть...»

Могла? Да запросто! Надоели же как-то Полине ее горячо любимые когда-то белые тапочки с кроличьим мехом!

А она – как те тапки. Уютная, красивая, снежно-нежная... Удобная.

Ей придется подвинуться, если придет другая: допустим, одна из тех современных бабень, о которых Глеб говорит с таким презрением.

Эта «бабень» обязательно на каблуках модных лабутенов, в микро-юбке, у нее идеальное тело фитнес-инструкторши и силиконовая грудь. Она делает фото, стоя у японского мотоцикла и закинув на него ногу. Она, например, фотомодель!

Или же – спортсменка, ныряющая с парашютом в километровые пропасти. Коротко стриженная, сильная, в ярких обтягивающих костюмах. Она умеет гонять по крутым волнам на доске для серфинга, выбегает на пляж, весело смеясь и встряхивая мокрыми волосами. На ней белоснежный купальник, и еще – однажды она отбилась от нападения акулы!

Возможно – она деловая женщина. Ей за сорок. Она ухожена, ее стиль – классика. Ее кожа неувядаема, губы полны и свежи, прическа уложена с тщанием лучшего мастера парикмахерского искусства. Она варит настоящий кофе, пьет его, не оставляя ни пятнышка помады на кромке кружки японского фарфора. На ее рабочем столе смартфон, планшет и макбук, и никаких ниток-бусинок.

Она способна проанализировать самый рискованный бизнес-план наравне с мужчинами, она разбирается в колебаниях биржи, инвестициях, акциях, во всем, что интересно Глебу.

В постели же она – ураган страстей и любительница эротических игрушек.

Полина снова перебирала образы женщин и остро болела душой. Боль ей причиняло то, что ее, Полины, нет в этой галерее красавиц. Ее место – в тылу, за спиной, с подносом в одной руке и галстуком – в другой...

Не прыгать ей с парашютом, не ринуться в большой бизнес, не запостить на страничку смелую фотосессию...

Что за глупую плюшевую жизнь она себе выбрала!

А с другой стороны – что еще она умеет? Глеб и Марго говорят, что жизнь ее прежде была пустой и бесцельной. Оконченная школа, оконченный вуз, работа на износ, серые будни в офисе. Никакими талантами, кроме трудолюбия, Полина не отличалась. Так и жила бы, листая туда-сюда корпоративный календарь собраний, если бы Глеб, ее мужчина и герой, не вывел бы ее за руку в рай, где раскрылись в полной мере ее женское предназначение, ее мягкая натура.

Так легко заявив подруге, что в случае измены она готова развестись с Глебом, Полина не подумала о главном: что будет после?

Снова работа? Сорок кошек? Никому не нужное существование пустоцвета? Или – поиск нового мужа, обожающего домашнюю еду и хлопковое белье?

А удастся ли снова найти такого, кто будет достойно ее обеспечивать в обмен на эти нехитрые блага?

Кто будет любить ее так, как любит Глеб?

За женское счастье надо держаться, за женское счастье надо сражаться. И начинать надо с обнаружения врага. Чем Полина и занялась, забросив на время рассаду и незаконченную вышивку ирисов.

Она быстро скачала на флэшку все папки с ноутбука Глеба, которые показались ей полезными: аккуратный Глеб расположил их по названиям и даже годам. У него были папки, помеченные «Работа», «Фото», «Дела», «Контроль», «Планы»: все их Полина скачала без особой надежды что-то найти. Особый интерес вызвала папка с названием «Семья» – что может в ней храниться?

Вернув ноут на место, Полина дождалась отъезда мужа и кинулась к телефону. Ей удалось зацепить номер большого сетевого маркета электронных товаров, и там она заказала маленький нетбук, договорившись о времени доставки и оплате наличными.

Ей пришлось пережить неприятный момент, когда в разговоре с услужливым и веселым менеджером, задающим уточняющие вопросы, она мямлила и терялась на каждом шагу.

Он спрашивал ее о разных вещах: объеме памяти, количестве ядер процессора, о назначении нужного ей компьютера, даже о том, какой цвет она предпочитает.

Полина вцепилась в трубку и, тяжело дыша, выдавливала:

– Все равно... чтобы открывать фотографии... я не знаю...

И, когда парень-продавец посоветовал наконец нужную модель, она выдохнула с облегчением и сбросила звонок, ощущая себя полной дурой.

Неудивительно, что Глебу могла понадобиться другая женщина – при таком-то уровне Полининого развития – ниже плинтуса.

Ноутбук привезли на следующий день. Полина нервничала с утра, боясь, что курьер придет слишком рано или позвонит, и придется объяснять Глебу, что за звонки она принимает. Ее нервозность не осталась незамеченной – Глеб ласково поцеловал в макушку и поинтересовался:

– Что случилось? Ты какая-то бледненькая.

– Не хочу, чтобы ты уезжал, – собралась с духом Полина, – буду скучать по тебе.

Глеб улыбнулся и потянул ее за кудряшки.

– Что тебе привезти из заморских стран, любимая?

– Не надо мне ни украшений, ни туалетов хрустальных, ни платьев роскошных, – подержала шутку Полина, – а привези ты мне цветочек аленький...

Глеб рассмеялся.

– Хорошо, привезу.

– А чудище какое-нибудь тебя не заберет? – поинтересовалась Полина.

Глеб внимательно посмотрел на нее.

– Нет, Поля, чудище меня не заберет.

– Тогда я спокойна.

Нетбук привез молодой парень в красной фирменной куртке. Он ловко распаковал коробку, включил компьютер:

– Операционная система – десятая, по умолчанию.

– А интернет?

– Подключайтесь хоть по вай-фаю, хоть напрямую.

– Пожалуйста, – взмолилась Полина, – подключите мне вай-фай, я сама не могу. Вот пароль, я записала на листочке...

И она протянула переписанный от руки логин и пароль, которые нашлись в документах на подключение интернета.

– Я не мастер, – засомневался парень, но за новенькую тысячную купюру передумал и выполнил Полинину просьбу.

После его ухода Полина обошла дом, закрыла все окна и двери и забралась с ногами в большое уютное кресло «для рукоделия», как она его называла – кресло, мягкие подлокотники которого были утыканы иголками с разноцветными хвостиками.

Экран нетбука засветился мягким синим светом, подключенная флэшка определилась.

Дрожащими руками Полина открывала папку за папкой, оттягивая момент знакомства с папкой «Семья». Глеб оказался предсказуем. В папке «Работа» лежали сканы документов, в папке «Контроль» – копии договоров, разложенные по датам. В папке «Фото» обнаружились чудесные черно-белые работы, которые на время заставили Полину забыть о своем расследовании.

Множество фотографий, запечатлевших простые и в то же время очень глубокие виды: сгорбленный котик, сидящий на полуразрушенном заборе, а за ними – покосившийся домишко с белеными стенами и крышей из камыша.

Кругленькая одинокая нерпа на мокром камне в окружении холодных пенных вод. Камни вокруг – словно спинки ее сородичей, некогда огромной стаи, исчезнувшей давным-давно.

Сморщенное крошечное личико младенца, ласково поддерживаемое сморщенными руками пожилой женщины, наклонившейся над ним: две стадии жизни, рождение и увядание, такие далекие друг от друга и такие родственные по сути...

Полина листала фото, чувствуя, как к глазам подступают горячие слезы.

Простенькие сюжеты, пойманные в чей-то объектив, вызывали в ней бурю чувств. Она интуитивно понимала, что ни секундой раньше, ни секундой позже этот кадр сделан быть не мог. Она чувствовала гениальную уместность каждой складки на воде, каждой тени на лице, каждого облачка на заднем плане, и эта ювелирная уместность тревожила ее до слез.

Это были фотографии, автора которых Полина готова была боготворить лишь за то, что он изредка нажимает на кнопку спуска своего фотоаппарата.

Этот неизвестный фотограф – кто он? Почему его фото Глеб хранит на своем компьютере уже несколько лет?

Ни малейшего указания на авторство Полина не нашла. На последнем фото женщина стремилась укрыться от дождя: она забегала по лестнице вверх, держа зонт над головой. Мокрые пышные кудри разметались, на плаще – потеки, на чулках – темные капельки.

Черно-белые фотографии, ведущие в жизнь.

Возможно ли, что это фото Глеба? Он когда-то увлекался фотосъемкой и забросил только после свадьбы – много дел, сказал он, не до хобби. И даже камеру куда-то задевал – может, и выкинул.

Если это его работы, то за него стоит бороться не из-за благополучия и сытой теплой жизни, а потому, что когда-то Полина сказала ему «да». Потому, что за привычкой видеть мужа утром и вечером скрывалась забытая ею любовь. Если это его работы, то Полина не имела права не влюбиться в него, потому что его взгляд на мир – ее взгляд на мир.

Антуан де Сент-Экзюпери говорил, что любить – это не значит смотреть друг на друга. Любить – это значит смотреть в одном направлении. Когда-то они с Глебом смотрели в одном направлении. А теперь – только друг на друга, и то мельком, за завтраком и ужином. Каждый день она видела Глеба и не видела его – кто он, ее муж, что он за человек?

Как она смогла потерять ключ к его душе? Как она посмела забыть про сокровищницу, ограничившись только разглядыванием ее фасада?

Полине стало стыдно. Она, волнуясь, засунула в рот кончик своего локона и принялась покусывать волосы – старая привычка.

Ее решимость крепла: никаких разводов, только борьба. Правильно сказала Марго – дура!

С таким настроем Полина открыла папку «Семья», и на нее посыпались, словно птицы, норовящие выклевать глаза женские имена: Мальвина, Светлана, Ангелина, Аглая...

Ни одна папка не называлась «Полина».

Ангелина. Несколько селфи на вытянутых руках: смеющаяся блондинка с лукавыми глазами. На другом фото – она с мохнатой собачкой в руках, потом – с сумочкой и в платье с биркой позирует у примерочной.

Аглая. В очках в красной пластиковой оправе. Девушка в стиле пин-ап: блузки в горох, бантики в черных волосах, челка «лопаткой», ярко накрашенный рот.

Светлана. Хрупкая, балетной внешности девушка в легких голубых, розовых и белых платьицах. В венке из ромашек, со скрипкой под нежным подбородком, ресницы опущены... У нее тоже собачка – только не мохнатенькая, а лысая и в пятнышках.

Мальвина. (Откуда такие имена, в смятении подумала Полина, открывая ее папку.) Молодая женщина восточной внешности, с ярким фентезийным макияжем. Она была запечат-

лена то в шелковом кимоно, шитом золотом, с крошечными чашечками в руках; то в прозрачных шальварах, изогнувшаяся в танце, с яркими браслетами на запястьях.

Полина снова кинулась шарить по папкам. В каждой, помимо фотографий, лежал еще и вордовский файл, где оказалась анкета каждой девушки. Домашний адрес, телефон, рост, вес, даже место работы – Светлана ожидаемо оказалась танцовщицей, Ангелина – фитнес-инструктором, а Мальвина – руководительницей восточного образовательного центра «Сакура-химэ».

Полина открывала файл за файлом, мысли в голове метались, как белки по веткам. Что все это значит? Эти женщины – какие-то особенные элитные проститутки? Или эскорт для состоятельных господ? Почему Глеб назвал их «Семьей»?

Может, они – специально обученные актрисы, изображающие умных красивых жен в заграничных командировках?

Эта мысль показалась Полине самой разумной. Глеб очень дорожил своим статусом и репутацией и всегда комментировал авто и жен своих коллег. Он считал, что мужчина должен гордиться двумя вещами: солидной и надежной машиной и красивой и умной женой. Обладателей спортивных авто и жен-моделей он считал глупыми прожигателями денег и жизни и финансовых дел с ними не имел. Неухоженную глупую жену и дешевое авто считал показателем неумения вкладывать капиталы.

Полина отодвинула нетбук и понеслась к зеркалу. Красота – на месте, фигура – подтянутая. Не зря же она крутится на этих тренажерах, как чертов хомяк в своем колесике!

А вот интеллект подкачал... Не сумела даже разобраться, сколько ядер ей нужно в процессоре! Не смогла сама подключить интернет!

Но – простите, – остановила себя Полина. Что-то тут не сходится... получается, что Глебу нужны две жены: одна на выход, а вторая дома? Ведь первые – и есть те самые «бабени», как он их именует, а настоящая женщина должна быть тылом и обустройства уют дома, а не шататься по деловым встречам и рабочим мероприятиям! Зачем ему те, кого он презирует, – современные дамочки-щучки, в которых не осталось ничего от мягкости, нежности и теплоты истинной женщины?

У Полины голова пошла кругом. Или Глебу просто интересно с ними общаться? Они такие разные: от балерины до художницы.

Но почему тогда на них заведены анкеты с размерами одежды?

Вспомнив о размерах одежды, Полина снова притянула к себе нетбук. Под каждым размером размеров были собраны ссылки.

Наугад ткнув на ссылку, Полина увидела сайт магазина, торгующего женской одеждой. Такие же ссылки на разные магазины были в остальных анкетах. Аглае Глеб подобрал строгие струящиеся платья сиреневых и синих цветов. Мальвине – почти викторианские платья в глубоких винных и сливовых оттенках. Ангелине – легкие лимонно-желтые и розовые платья, сшитые «колокольчиком». Светлане же – свадебное платье цвета шампанского, «русалочку», с потрясающей ручной вышивкой по лифу и спине. Платье это стоило таких денег, что Полина ахнула.

Почему он выбирал им одежду? Почему он их одевал? Почему Светлане было куплено свадебное платье???

Мелькнула отчаянная мысль: может, Глеб просто подбирал с их помощью платья для нее, Полины? Может, все эти наряды лежат в ее гардеробной?

Полина побежала в гардеробную и принялась выискивать похожие тряпки: она раскидывала плечики с шелестящими юбками, сдирала жалобно скрипящие платья с вешалок, сминала комьями и отбрасывала в сторону новую одежду, ношеную и не очень, с этикетками и без. В какой-то момент она ощутила приступ безумия: задыхаясь, стояла в полутьме среди растерзанных шкафов и полочек, а ее окружали разноцветные шлейфы, юбки и рукава, выши-

тые воротнички, пояски, цветочки, шарфы, узорчики. Все кружилось перед глазами, от запаха духов стало дурно – мерзкий, мерзкий удушливый ландыш!

Ни одного платья, похожего на те, что продавались по ссылкам, Полина не нашла.

И тогда она села на корточки, привалилась к стене и зарыдала.

Ее мирок рухнул именно тогда, когда она снова начала его ценить. Ее мужчина, о любви к которому она вспомнила, оказывается, жил какой-то тайной жизнью, где ей уже не было места. Уютный дом, полный лжи и равнодушия, – вот что за монстра она создала!

Как же тяжело было Полине! С какой ненавистью она рвала и комкала дорогие тряпки, попавшиеся ей под руку! Как будто они были в чем-то виноваты...

Через полчаса Полина выбралась из гардеробной. Опухшая, некрасивая, с заплывшими глазами и красным носом, она уселась подальше от зеркала и, шмыгая, набрала номер Марго.

– Полька! – ответила Марго почти сразу. – Как дела? Слушай, меня тут твой красавец довез до дома, как Буратину, я клянусь. У меня синяки по всему телу! Он у тебя всегда так водит, или это только мне так повезло?

Полина, собиравшаяся вместе с рыданиями вывалить Марго новости обо всех найденных уликах, вдруг насторожилась. Внутренний голос, удивительно спокойный, напомнил ей о том, как в действительности уезжала Марго – совсем не той «буратиной», какой хотела казаться...

И сказала:

– Марго, а посоветуй мне классного косметолога и парикмахера? Хочу удивить Глеба – сменить имидж, пока он будет в отъезде. Ну, ты понимаешь? Обновить отношения.

– Конечно! – моментально откликнулась Марго. – Есть куда номер записать? Диктую. А ты чего носом хлюпаешь?

– Простыла, – сказала Полина и приготовилась записывать.

Глава 3

В которой Полина совершает побег в «Акапулько», а удивительный незнакомец по фамилии Соболь принимает ее за богиню охоты и луны

К отъезду Глеба Полина испекла «Наполеон». Она, чуть дыша, складывала в стопку тоненькие, будто пергамент, коржи и промазывала их воздушным кремом из маскарпоне.

На выпечку коржиков ушло три часа, и на этапе сборки торта Полина уже еле держалась на ногах. Зато торт получился, как свадебный, – снежно-белый, невесомый, распространяющий умопомрачительный запах ванили.

Полина положила на верхушку крошечный нежно-сиреневый цветок и торжественно подала на стол.

Глеб, вышедший из своего кабинета, уже одетый в свежую рубашку и костюм «для перелетов», легонько потрепал Полину за волосы.

– Только умоляю, не опрокинь на себя, – попросила Полина, разрезая серебряным лезвием чуть сопротивляющийся воздух – таким под нажимом ножа показался ей торт. – Чай – с жасмином?

Глеб предусмотрительно заткнул за ворот рубашки тканую салфетку и минут пятнадцать молча жевал, прихлебывая чай.

Торт уменьшился на три куска.

– Спасибо, девочка моя, – сказал Глеб, вынимая салфетку и бросая ее на стол. – Много еще осталось – сама не ешь. Слишком вкусный – не удержишься и все слопаешь.

– А куда же его? – расстроилась Полина, с сожалением разглядывая развалины «Наполеона».

– Куда угодно, но только не в жир на твоём пузе. – Глаза Глеба смеялись, но Полина знала – он очень серьезен.

– Марго приглашу...

– Хорошо, – одобрил Глеб, – этой лошади все нипочем. Ну что, прощаемся?

Полина вздрогнула. «Прощаемся» – это прозвучало так, будто Глеб не собирался возвращаться. Куда же он отправлялся на самом деле? В объятия принцессы Мальвины? В веселое путешествие с авантюристкой Аглаей?

– Глеб... – начала Полина, комкая от волнения брошенную им салфетку.

Он посмотрел на нее.

Светло-карие глаза выказывали нетерпение, мол, ну что еще? И угадывалась в них знакомая Полине жесткость: все сказано, решено, подарок оговорен, больше обсуждать нечего.

Такое выражение глаз было у Глеба, когда он твердо занимал какую-то позицию и ничто, ни доводы, ни уговоры, ни просьбы – уже не сдвинут его с места. Мужчина решил.

– Я буду волноваться, так что позвони мне, когда самолет сядет, – выдохнула Полина.

Глеб моментально смягчился.

– Конечно.

Он обнял ее, а потом поцеловал – осторожно, как ребенка.

– Пойдем. Подберешь мне галстук. Кстати, звонить я не буду: это дорого. И ты не звони. Рабочая командировка, ты можешь мне помешать.

А потом она стояла на крылечке, провожая его: вызванное такси унесло Глеба через хитросплетение улиц к взмывающей ввысь птице-«Боингу», а потом – под волны крыши Хитроу.

Или – нет?

Как только такси укатило, Полина побежала в дом – отвечать на звонок телефона.

– Здравствуйте. Полина! Меня зовут Анастасия, и я ваш приглашенный парикмахер. Наша встреча в силе?

– Да, в силе! – отозвалась Полина. – И захватите... краску для волос. Рыжую. Чтобы я была как морковь.

– А какой у вас сейчас цвет волос?

– Пепельная блондинка.

– Хорошо, будет вам морковь!

– Очень вас жду, – призналась Полина, бросила трубку и снова понеслась по делам, а их была уйма: собрать чемоданчик на неделю пребывания в гостинице, упаковать нетбук, принять душ, взять зонтик, косметику – кремы и притирания.

Она бегала по дому, вытаскивая и кидая на пол и кресла платья, кофточки и шарфы, открывала шкафы, выворачивая груды туфель и босоножек, и в итоге растерялась: что же брать? Что понадобится на самом деле? Не уезжать же с баулами?

Из кухни разносился дразнящий запах ванили. Торт, ослепительно-белый, с нежным сиреневым цветочком, который Глеб отодвинул от центра, все еще возлежал на блюде. Нужно же еще сделать уборку, осенило Полину, и она готова была застонать от досады, что этот дом так крепко держит ее, так сбивает с толку в важнейшем в ее жизни деле!

Вещи так и остались валяться, а Полина только успела просушить волосы, когда появилась Анастасия.

– Настя, – поправила она, когда Полина ее приветствовала, и широко улыбнулась.

Она была совсем еще девчонкой, смуглой, с широкими скулами и милыми раскосыми глазами.

Короткая стрижка пестрела лиловыми, розовыми и дымчато-голубыми прядями.

– Я – сама себе реклама, – улыбнулась Настя, когда Полина, не удержавшись, ахнула. – А еще я привезла целую палитру оранжевых, медных, рыжих цветов. Давайте выбирать!

– Вот сюда, – пригласила ее Полина в кухню-столовую. – Хотите тортика?

Настя положила на край стола папку с образцами цветов, и пришла ее очередь ахать.

– Какой шедевр! Неужели это домашняя выпечка?

– Моя! – засмеялась от счастья Полина. – Он был еще красивее целым.

– Шедевр! – повторила Настя, глядя, как воздушный кусочек на серебряной лопаточке возносится над ее блюдцем. – Бывают же женщины, которые умеют! Я вот дальше шарлотки еще не заходила, и вряд ли получится.

Полина открыла было рот, чтобы произнести речь о том, что когда будет муж, тогда и проснутся все кулинарные таланты, потому что женщина расцветает творчески от любви настоящего мужчины... Открыла и закрыла. Ей почему-то стало совестно учить этому молодую совсем девушку.

А та, уплетая торт, раскрыла папку-сокровищницу цвета.

Каких только оттенков там не было! От нежно-персикового до настоящей ирландской рыжины, цвета медной проволоки, от цвета топленой ириски до огненно-красного с медным отливом.

– У вас красивые выющиеся волосы, их много и они пышные, – определила Настя, аккуратно отпивая из чашечки, – я вам сейчас идею предложу, а вы подумайте. Рекомендую не упираться в один тон, а сделать глубокий переход из одного в другой – и так три раза. То есть, от темного к светлому, тогда кончики будут вот такими, – она показала на страничке, – это даже чуть... розово, как закат, знаете? На закате солнце часто дает такой градиент: от огненного до красно-розового. Это очень красиво и выглядит интереснее, чем покраска в один тон. Или хотите – все-таки «в морковь»?

Полина отрицательно покачала головой.

Она уже забыла про морковь, так заворожила ее перспектива носить в волосах целый закат.

– Давайте закат, – согласилась она. – А мне пойдет?

– Да, – твердо сказала Настя. – Когда я вас увидела, мне вспомнился один человек, фото которого когда-то я рассматривала в журналах. Это была красивая молодая девушка, совершенно ваш типаж, и это был лучший ее образ. Вы удивитесь, но когда мы закончим, окажется, что у вас ярко-зеленые глаза.

– Я замечала, что они зеленоватые...

– А будут – зеленые! – Настя взмахнула ложечкой, как волшебной палочкой. – Это самый лучший торт в моей жизни. Умирать буду – вспомню. Ну что, приступаем? Где вам будет удобнее расположиться?

Полина повела ее в свою комнату, где стоял уголок красоты – овальное зеркало в обрамлении резных листьев над треугольным столиком со множеством ящичков.

Усевшись перед ним, она распустила волосы и откинула их назад. На креслах и диванчиках вокруг валялись раскрытые чемоданчики, в каждый из которых Полина успела затолкать несколько платьев, да так и не решила, с каким ехать. Шарфы свисали с ручек кресел и цветными лужицами разлеглись на полу.

– Я собираюсь в путешествие, – объяснилась она, расслабляясь под пальцами Насти, задумчиво и оценивающе расчесывавшими ее волосы.

– Понимаю, – отозвалась Настя, – я сама любительница поездить. Знаете, иногда такое желание находит – вот взять и убежать далеко-далеко, в неизведанные места... к новым пейзажам, людям, к новым видам из окна, к звучанию другого языка.

Она говорила и расчесывала Полину.

– Я тогда хватаю рюкзачок, одно платье и один свитер, беру горящий билет и несусь куда глаза глядят.

Куда глаза глядят... Полина, усыпленная ее прикосновениями, ловила пролетавшие перед глазами образы: вот белый, совершенно белый, будто сахарный, храм невиданной архитектуры. Вот люстры, свисающие над нею гроздьями человеческих черепов и костей. Вот узенькие улицы, а над головой – балкончики, увитые цветами, розовыми, лиловыми, фиолетовыми... Вот кромка кремовой пены под ногами, а еще – серые туманы, прикорнувшие у подножия гор. Откуда все эти виды? Прекрасные, знакомые, узнаваемые?

Ездил ли она прежде по чужим странам?

Сейчас, Глеб говорит, ей нельзя. Доктор запрещает резкую смену впечатлений. Для ее психики это может оказаться фатальным, и тогда – снова провал, беспамятство, сон...

Она дремала, пока Настя наносила краску, когда массировала слегка ее лоб, затылок и виски. Когда поправляла кое-где аккуратными точными движениями. Дремала, пока преображалась – а Настя сидела рядом, тихонько касаясь уютно светящегося экрана телефона.

Она проснулась только тогда, когда в овальном зеркале сверкнули зеленые глаза и вспыхнула огнем ярко-рыжая грива волос, пламенно розовеющая на кончиках.

– Настя, это шедевр! – воскликнула она, смеясь. – Умирать буду – вспомню!

И Настя тоже радостно засмеялась.

– Всегда пожалуйста. Ну что, раз все в порядке, то я вызываю такси.

– Настя! – почти выкрикнула Полина, ощущая себя булгаковской Маргаритой: «Свободна! Невидима и свободна!» – Настя. Подожди пять минут. Я поеду с тобой.

И, закинув в первую попавшуюся сумочку одно платье, один свитер, нетбук и кошелек, она влезла в первые попавшиеся туфли и кинулась в неизвестность с девчонкой-парикмахершей. Впрочем, еще она успела упаковать свой торт и вручить его Насте.

В благодарность за помощь в побеге.

Невидима и свободна!

Дом, молчаливый и темный, остался на месте, глядя на Полину с укоризной, а она сама поплыла по улицам коттеджного поселка, с любопытством вглядываясь в лицо каждому прохожему, в каждые ворота, в каждое окно.

Люди прогуливались: с собаками на поводках и без, парочками и в одиночку, с детьми и компаниями. Вечер пятницы, теплый майский вечер, располагал к прогулкам и шашлыкам – повсюду курились синие дымки и разносились запахи жареного мяса. То приглушенно гудел мужской голос, то колокольчиком разливался женский смех.

Поселок остался позади, понеслись дороги и другие такие поселки, а потом, у платформы, рядом с которой, тяжело дыша, прикорнула электричка, дорога круто повернула и понеслась вдоль рельс.

Начались городские предместья – спальные районы и городки, освещенные рекламами магазинов и фонарями. В одном из них, попрощавшись, выпорхнула Настя, утаскивая с собой белоснежный торт. Она тепло улыбнулась огненной Полине и помахала рукой.

После ее высадки таксист запросил новый маршрут.

Полина растерялась было, потому что не продумала никаких маршрутов: не переться же на ночь глядя по адресам незнакомых женщин?

– Мне бы в гостиницу, – сказала она. – В хорошую. А то я замужем.

– Не переживайте, леди, – улыбнулся таксист, – я приличный человек и в бордель не завезу. «Акапулько» – подойдет?

– Звучит как бордель.

– Погуглите, я подожду.

Полине пришлось признаться, что гуглить она не может – в ее простеньком телефоне интернет не предусмотрен.

– Без интернета? – таксист повернулся с интересом. – Ну, вот мой. Возьмите.

И он сам набрал на карте запрос.

Полина нажала на отметку, бегло посмотрела сайт и признала, что «Акапулько» выглядит вполне прилично.

– Давайте туда.

– Хорошо. Только позвоните им предварительно, мало ли... Номер там указан.

В отеле оказались места: одно- и двухместные, приезжайте хоть сейчас.

По дороге таксист бурчал себе под нос, тихо и иногда неразборчиво, но что-то Полина могла расслышать:

– Это в девяностые каждая гостиница борделем была... а каждая ночная поездка – за барышнями... так и работал, одну фею туда отвези, другую оттуда привези... а у меня тогда семья была, и дети – трое! Сейчас-то пятеро уже, а было тогда трое... а я все таксист. Зато жена моя – и кассир, и швея, и мыло какое-то дома варит-продает. Вам, женщинам, все легко дается. Это мужику нормальной работы не найти. Там на деньги кинули, там не платят, там уволят по сокращению... она мне говорит: ты токарь? Открывай, говорит, мастерскую. А на какие деньги я ей ее открою? Это же одному дай, второму дай, а третий сам возьмет, мне ни копейки не останется... какой тут заработок... а я еще инвалид. Вот и таксую. А гостиница тут хорошая. Никто не обидит.

Полина с болезненным вниманием вслушивающаяся в монолог, вздрогнула, когда машина остановилась у четырехэтажного светлого здания с балкончиками.

Над входом горела надпись «Акапулько».

– Спасибо, – сказала она и расплатилась.

– Не за что, – ответил таксист и уехал, продолжая беседовать уже сам с собой.

На улице было зябко. Полина закуталась в шаль и стремительно взбежала вверх по лестнице.

Сзади донесся неразборчивый крик, который ее подстегнул: почему-то стало страшно.

В холле отеля не оказалось ни огромных искусственных пальм, ни другой кокосово-мексиканской атрибутики: дизайнер знал свое дело и в пошлость не скатился. Оливковые и кофейные тона нежно сияли на стенах, шторах, лампах и круглых вазочках на маленьких столиках. Было уютно и светло. За стойкой ресепшена сидела девушка с белым тропическим цветком, воткнутым в пышную прическу, и это был единственный штрих, напоминающий об отдыхе на побережье.

Очень уместный, оценила Полина, и протянула девушке паспорт.

– Будьте добры, одноместный номер на семь дней. – Она решила, что недели на расследование ей будет достаточно.

Девушка приняла паспорт и начала оформлять заказ, щелкая по клавиатуре и изредка взглядывая в экран монитора большими темными глазами.

Позади распахнулась и снова закрылась дверь, застучали торопливые шаги, и снова мужской голос взволнованно выкрикнул:

– Диана! Дианочка!

Полина не выдержала и обернулась: столько радости и восторга было в этом возгласе, что захотелось увидеть счастливого, настигшего наконец свою прекрасную Диану, и саму Диану.

Широко распахнув объятия, к ней, а не к неведомой незнакомке, шагал мужчина. Был он высоким и худощавым, с короткой стрижкой, сухими и длинными чертами лица, в очках в тонкой оправе. За очками сияли радостью и удивлением светлыесветлые глаза: Полина таких никогда не видела, настолько удивительно-светлыми они были, но пугающего впечатления не производили, потому что были обведены по радужке темным кольцом.

– Где же ты была? – торопливо забормотал незнакомец, сгребая оторопевшую Полину в охапку и крепко обнимая. Свой подбородок он поместил на ее плечо, а гладко выбритой щекой прижался к ее щеке, и Полина почувствовала теплое биение пульса. – Диана! Самойлова! Почему ты не в Москве? Почему ты сбежала? Марина Петровна тебя ищет, надежды не теряет. Почему сбежала, никому не сказав?

Он разомкнул объятия, взял ее за плечи и легонько встряхнул, встревоженно взглядываясь.

– Я не Диана, – выдохнула Полина, приходя в себя после неожиданной близости с незнакомым мужчиной. – Меня зовут Захаржевская Полина... и я не терялась, не сбежала, я тут живу... с мужем. Уже давно... Вы обознались!

Мужчина отступил от нее в растерянности.

– Не может быть! – сказал он. – Мы же учились вместе. Я Петр, Петя Соболев... Помнишь? Ты меня Бобром называла... Я не мог обознаться!

– Вы точно перепутали, – уверила его Полина, хотя ей стало жаль той не случившейся встречи с однокашницей, которую так ждал этот Петя Соболев.

Петр опустил большие руки. Он был явно расстроен.

– Вы ошиблись, – подтвердила девушка с ресепшена, до этого молча и с интересом наблюдавшая сцену. – Вот ваши ключи, госпожа Захаржевская. Второй этаж, номер двадцать два. Дверь сразу за колоннами. Завтрак в десять часов.

И она отдала Полине паспорт и небольшой серебристый ключик с деревянным номерком. Полина забрала ключи и поднялась наверх по лестнице, не желая оказаться в одном лифте со случайным знакомцем Петром. Однако она не выдержала и разок обернулась с самого верха площадки: Петр так и остался стоять у ресепшена, опустив голову.

«Бедняга», – подумала Полина еще раз, открыла дверь своего номера...

Первым делом она развесила в шкафу предметы своего скромного гардероба: платье-футляр персикового цвета с рукавами в три четверти и длинный серый кардиган с нежно-розовым капюшоном и манжетами. Туфли, что были на ней, – единственные, – она поставила у двери. Вынула и кинула на кровать нетбук и туго набитую косметичку.

В ней хранились все ее деньги. Полина испытывала чувствительные уколы совести за то, что взяла эти деньги. Ее слабо успокаивало даже то, что, когда она заболела, Глеб снял с ее банковских карт все средства и приобщил их к семейному бюджету, а значит – попросту взял себе, потому что бюджетом распорядился он и только он.

Полина пыталась представить, что просто вернула себе взятое Глебом когда-то в долг... но ей все равно было стыдно.

Она пересчитала деньги: по ее представлениям, должно было хватить на неделю проживания в городе и даже с избытком. Наверное, можно даже купить себе современный телефон с интернетом. Это так удобно! Набрал, что тебе нужно, в поисковике, и вот тебе: адреса, пароли, явки!

Полина решила заняться покупкой телефона с утра. Прямо перед визитом к первой загадочной незнакомке из списка Глеба: Аглае.

Ее адрес, как показали интернет-карты, был ближе всего к отелю «Акапулько». К ней Полина и решила отправиться. Она не придумывала предлогов или стратегий. Ей думалось, что правильно будет поступить так: прийти к этой женщине, представиться и попросить рассказать, что ей известно о Глебе Захаржевском. Какие их связывают отношения, где они познакомились и общаются ли на данный момент?

Может, одной истории будет достаточно, и даже не придется навещать других девушек?

Уставшей Полине еле-еле хватило сил на то, чтобы принять душ. После она кое-как улеглась на довольно широкой кровати, укрылась и моментально заснула.

Ей снились тревожные сны: пожар в оставленном ею доме, полыхающие в темноте яблони, потом – грустные светлые глаза Пети Бобра, а еще – яркая и хохочущая Аглая, по-цыгански трясущая широченными юбками.

Глава 4

В которой Полина встречает Аглаю и гордится Глебом, а еще раскладывает свою жизнь по полочкам и обнаруживает, что стала очень толстой женщиной

Полину разбудили непривычные звуки: особый гул оживленной улицы современного города. Смешивались голоса машин и неуловимый белый шум, присущий просыпающемуся крупному кварталу. Накануне Полина забыла закрыть окно, но в номере было тепло. Утро выдалось по-настоящему летним. Солнце карабкалось на крыши, разливая реки света, золотые косы вплетались в листву тополей.

Мельком глянув на часы, Полина решила, что успеет позавтракать в отеле, и, поспешно умывшись, надела персиковое платье. В зеркале отразилась незнакомка: с буйным пышным пламенем волос и ведьмински-зелеными глазами. Немножко заспанная и растерянная, Полина излучала интимную теплоту смятой женской постели.

Такой она давно не бывала: обычно скромная, ухоженная и старательно причесанная, всегда была похожа на умненькую ученицу курсов кройки и шитья.

Изменение неожиданно порадовало Полину: ей показалось, что все будет замечательно, что все эти женщины – просто знакомые Глеба и никакой особенной тайны в них нет, а сама она – уже не домашний тапочек, а вполне себе интригующая особа. И когда Глеб вернется и увидит эти перемены, его ночные отлучки прекратятся.

Тогда вернется назад обычная ее жизнь: и можно будет заняться высадкой кустов персидской сирени. Говорят, она растет там, где воткнешь... Вот Полина и попробует.

Воодушевленная, Полина вышла из номера, прихватив сумочку с деньгами и телефоном. Простучав каблучками по лестнице, спустилась на цокольный этаж, где в «Акапулько» накрывался шведский стол.

Пройдясь с подносом вдоль ряда заманчивых блюд, она выбрала и сложила на тарелку немного винограда, немного сыра, круассан с миндалем и налила в чашечку зеленого чая.

Обернувшись, она увидела, что столики почти все свободны: видимо, большого наплыва гостей в отеле не наблюдалось. Ей сразу приглянулось одно местечко: у самого окна-витрины, тянувшегося от пола до потолка и прикрытого плетеными оливковыми шторами.

Правда, столик этот был уже занят. За ним сидел Петр Соболев и приветственно махал Полине рукой.

Полина собиралась сделать вид, что не заметила его, и выбрать другое место, но лицо у Петра было доброе и немного виноватое, и она подумала – почему бы и нет? Так интересно, что за таинственную Диану он потерял...

Она подошла поближе и села в чудное кресло, похожее на половинку яйца, каркас которого обтянут нитяным веером.

– Доброе утро, – сказал Петр, вынул из вазочки белую орхидею и протянул Полине красивым джентльменским жестом. – Я бы приготовил в качестве извинения целый букет, но в такую рань цветочные магазинчики оказались закрыты.

Полина рассмеялась, приняла цветок и воткнула его в прическу.

Этот мужчина не казался ей чужим и опасным: он не был похож на «самца», «царя» и «льва», способного взяться за ее завоевание. Он был похож на парня с соседского двора, с которым в детстве играли в догонялки и лазили по деревьям – никакой романтики. Поэтому и молчала совесть Полины. Она была научена вести себя скромно – Глеб очень сердился, рас-

суждая о том, как некоторые «бабы» специально привлекают к себе внимание, напропалую кокетничают, чтобы продаться подороже.

Глеб как-то рассказывал ей, что так исторически сложилось: хитрые самки неандертальцев, приобретя возможность логически мыслить, обленились и вместо сбора пищи принялись обменивать секс на бананы, которые приносили самцы. Он называл эту теорию этологией и утверждал, что времена изменились, а вот в поведении самок не изменилось ничего. Полина знала, что спорить и задавать вопросы бесполезно: она была той самой самкой, которая получает «бананы», а сама не имеет никакого отношения к их сбору. Глеб говорил, что в этом нет ничего плохого, просто такова ее природа. Все женщины так или иначе продаются.

У нее же не было планов продаваться незнакомцу, да и не похож был Петр на опытного «покупателя», и Полина заключила, что в ее поведении нет ничего предосудительного.

– Мне жаль, что я оказалась не Дианой, – сказала она, намазывая тоненький ломтик сыра медом. – Вы явно очень хотели ее увидеть.

– Хотел, – ответил Петр, и его взгляд погас. – Она была моей первой любовью. Когда я увидел ваши волосы и вашу походку, у меня чуть сердце не остановилось. Она точно так же забегала по лестнице вверх, быстро, как птичка, аж кудряшки подпрыгивали. Это была первая встреча: она спешила на лекцию в институте, а я поднимался следом, увидел ее и пропал. Так говорят, да? Пропал? Это когда ни одной мысли не оставалось, кроме как о Диане. Я спал и видел Диану, я смотрел по сторонам и видел только Диану, я не мог учиться, потому что – только Диана! Я боялся, что не смогу даже подойти к ней, чтобы познакомиться. В юности я был довольно нескладен, длинный, с тощими руками... похож на кузнечика. Мне казалось, я подойду, а она посмеется надо мной.

Он задумался. Перед ним легонько дымилась чашечка с черным кофе.

Полина с интересом слушала его, лакомясь нежнейшим круассаном и подумывая о том, как бы потом скинуть эти лишние триста калорий. Может, сходить вечером в спортзал?

Не хватало еще растолстеть к приезду Глеба...

История о давней любви звучала приятно, как сказка, но сердца ее не трогала: чужая любовь всегда чужая.

– Вы так и не подошли к ней?

Петр поправил слегка затуманившиеся очки.

– Подошел, но случайно. Однажды осенью я увидел, как она спешит от метро, прикрывая голову сумочкой. Шел сильный дождь. Она была в красном плаще, и от дождя он стал малиновым. У меня был зонтик, это чудо, что у меня оказался зонтик – вообще я их не ношу, потому что постоянно теряю. Я догнал ее и раскрыл зонт, а она взяла меня под руку, и мы пошли рядом. Сердце у меня захлебывалось от радости. Ее рука держала мою, понимаете? Я так мечтал хотя бы полслова сказать ей, а тут такое счастье – она совсем рядом! Только у меня не хватило сил что-то ей сказать. У дверей института она повернулась и сказала: «Спасибо. Как тебя зовут?». Я ответил – Петя Соболев.

Она рассмеялась. Потом я узнал от ее подруги, что она рассказывала, как ее спас от ливня Петя Бобер. Наверное, так меня и запомнила – как Бобра...

– А потом? – Полина уже допивала свой чай.

История, по ее расчетам, тоже должна была скоро закончиться.

– А потом, после окончания института, я устроился журналистом в газету, где ее мама работала старшим редактором. Надеялся, что так смогу стать к Диане ближе.

Петр замер, глядя, как Полина ставит на блюдце беленькую чашечку. Его взгляд стал напряженным.

– А где ваша мама? – вдруг спросил он.

– Умерла, – холодно ответила Полина.

Ей расхотелось допивать чай, расхотелось слушать историю, и Петр это понял.

– Простите, – еще раз извинился он.

– Ничего. Всего хорошего, – сказала Полина, взяла свою сумочку и вышла из-за столика.

У дверей она вынула из прически цветок и положила его на маленький столик, стоящий рядом.

Она привыкла не выказывать неудовольствия перед мужчинами, поэтому сделала это так, чтобы Петр не заметил.

Ее хорошее настроение заметно поникло. Разговоры о маме – болезненная тема, болезненная настолько, что Полина никогда сама ее не поднимала. Иногда она просыпалась оттого, что слышала ее голос: та тихонько и неразборчиво звала ее по имени.

Только голос и сохранился у Полины в памяти. Больше она не помнила ничего. Это ранило ее так сильно, что невозможно было даже думать о том, что когда-то она была маленькой и женские родные руки поправляли шапочку на ее голове, умывали ее личико и прижимали к себе. Вместо этих воспоминаний зиял страшный черный провал, и Полина ощущала это как величайшее предательство к той, которая родила ее, любила ее...

Как же некстати этот Петр заговорил о родителях!

Взбодрись, Полина! Не вспоминай то, что забыла! Двигайся вперед!

Адрес Аглаи Полина назвала таксисту – первому, кто остановился перед ней, сверкая яично-желтой покраской авто. На этот раз таксист оказался молчалив, и у Полины было время подумать. Она и думала, незаметно для себя терзая пальцами ручку сумочки: как пройдет эта встреча?

Вдруг Аглая, узнав, что она жена Захаржевского, сразу же высмеет ее и скажет что-то вроде: «За собой надо было следить, вот мужик бы и не бегал по бабам! Сама виновата!»

Полина украдкой глянула на себя в зеркальце. Она следила за собой! Это будет неправдой! Она до тошноты бегала на беговой дорожке, до боли хрустела суставами, постигая асаны! Ни разу не пропустила ни косметолога, ни массажистки, только если по особым дням...

Если только... если только эта Аглая взяла молодостью?

К концу поездки Полина вся дрожала от страха и готовности дать моментальный отпор. Таксист завернул во дворе белого высотного дома, украшенного голубыми балкончиками, и тут же из дверей подъезда вышла Аглая. Полина сразу узнала ее: вот ее блестящая челка в стиле ретро, вот очки в красной оправе!

На Аглае были брюки, сильно зауженные книзу: белые в черную полоску, и белый пиджак с наплечниками. На шее повязан бантом шелковый шарф в крупный горох.

Она была как ожившая открытка из тридцатых.

Полина суматошно забила в дверь машины, наспех сунув таксисту пару купюр.

– Без сдачи! – выкрикнула она и вывалилась на улицу, наконец-то совладав с замком.

– Аглая! Аглая!

Девушка из тридцатых шла далеко впереди, помахивая клатчем.

Полина припустила быстрее. Она бежала на подламывающих каблучках – совершенно разучилась в них ходить по асфальту! – и отчаянно звала соперницу.

Ей так страшно было упустить Аглаю, так боязно остаться без разъяснений, что она даже не подумала, что можно было просто повторить визит вечером и застать ту дома.

Аглая остановилась возле белого «вольво» и обернулась. Безо всякого удивления она смотрела на отчаянно прыгающую по ухабам Полину и открыла перед ней дверцу, когда та добежала.

– Садитесь.

– Ой! – сказала Полина и упала на сиденье.

Аглая обошла машину и села на водительское место.

– Он вас преследует? – спросила она, заводя двигатель. – Не переживайте. Меня еще никто не догонял.

У нее был удивительно глубокий голос. Говорила она медленно и очень уверенно, хотя тон не повышала. Запах горьких духов успокаивал.

Полина отдышалась, поправила волосы, одернула платье.

– Вы одна или с ребенком? – спросила Аглая, мельком осмотрев ее.

– Одна. Детей у меня нет.

– Это и хорошо, и плохо, – ответила Аглая, выезжая на оживленную городскую дорогу. – Хорошо, потому что проще будет начать заново, а плохо – потому что у нас нет возможности поселить вас в Доме Подруги. Это правило, которое мы не можем нарушать. Укрытие может в любой момент понадобиться женщине с детьми – у них приоритет. А вас мы сможем устроить только в гостиницу, и то ненадолго. Пока не найдем выход.

– Я и так живу в гостинице, – ничего не понимая, сообщила Полина.

– Вы молодец, – мягко сказала Аглая, – немногие решаются.

– На что?

– На побег.

– А-а-а, – протянула Полина, подумала немного и представилась: – Вообще, я жена Глеба Захаржевского. – И она вскинула глаза на Аглаю, ожидая реакции.

– Что-то знакомое, – откликнулась Аглая задумчиво, – вы уже обращались к нам? Общались с психологами или юристами?

– Аглая, – с чувством сказала Полина, – меня второй день с кем-то путают. Вы меня тоже с кем-то путаете: я ни от кого не бегу, я никуда не заселяюсь! Я жена Глеба Захаржевского! Я нашла у него ваши контакты и решила... решила, что... что надо с вами познакомиться.

Аглая рассмеялась, показывая по-цыгански крупные и белые зубы. Она лукаво взглянула на Полину.

– Ах, вот оно что! А я думала, вам нужна помощь моего реабилитационного центра. – И она кивнула на стопочку визиток, скрепленных серебряным зажимом и лежащих под лобовым стеклом. – Когда занимаешься такой работой, каждая женщина, выбегающая с криками из подворотни, автоматически воспринимается клиенткой. Если бы вы начали ломиться ко мне посреди ночи, я бы тоже так решила. Мне говорят, что нужно позаботиться и о собственной безопасности, но я всегда отказывалась, потому что прецедентов не было. А вот теперь есть! Меня раздобыла ревнивая жена!

И она опять расхохоталась.

Полина не знала, что сказать. Ее щеки пылали. Она схватила визитку и прочитала: «Пылева Аглая. Независимый реабилитационный центр помощи женщинам, пережившим домашнее насилие».

– Понимаете теперь?

– Меня никто не бил, – сказала Полина.

– И отлично, – серьезно ответила Аглая. – давайте так: мы приедем в Центр и выпьем там кофе. Познакомимся и разберемся, откуда мне знакомо имя вашего мужа.

– Хорошо, – воодушевилась Полина. Ей стало намного легче дышать: спокойный и уверенный тон Аглаи словно уверял ее: «все хорошо, все очень хорошо, не о чем волноваться...».

– Не нервничайте, – словно прочитав ее мысли, сказала Аглая, – я точно не спала с вашим мужем. А вот и наш Центр. – И она повернула в небольшой дворик, густо заросший сиренью. В розово-лиловых зарослях прятались беленькие колонны небольшого крыльца. За ним виднелась светлая деревянная дверь с колокольчиком и табличкой.

Домик был двухэтажным и явно относился к старой, еще довоенной застройке. Такие домики обычно охранялись государством как объекты культурного наследия, и интерьер их почти не менялся.

Внутри Полина увидела узкий холл и в конце его винтовую лестницу. На подоконниках низеньких окошек стояли орхидеи: все до одной цветущие. У лестницы за столиком вязала длинный разноцветный шарф тощая девица в круглых очках, в оправе под бронзу.

– Аглая Александровна, – обрадовалась она и воткнула спицы в клубок. – У нас новости: хорошие и не очень. Хорошие: муниципалитет наконец-то взялся за рассмотрение нашей заявки на аренду старого общежития. Плохие – Ира Морозова в больнице.

Аглая жестом попросила Полину задержаться, и Полина присела за столик, разглядывая полоски будущего шарфа: оранжевую, оливковую, желтую, снова оранжевую...

– Ира вернулась по месту жительства... Девочки говорят, муж ее устроил шоу «это было в последний раз», она поверила, взяла сына и поехала домой. Дальше имеем, что имеем. Подробностей нет. Аня Савина повезла ее в травматологию, но Ира впервые фиксирует побои, то есть, все, что мы сможем сделать – это получить с ее мужа пять тысяч штрафа по закону о шлепках.

– А сын где?

– С отцом остался... Ира рвется ехать забирать.

Аглая поджала губы, подумала немного.

– Аня приедет – выписку из травматологии мне занеси, пожалуйста. Посмотрю, что можно сделать.

– Хорошо.

И девица снова взялась за свои клубки. Рядом с ними на столике стоял небольшой ноутбук и чашка с давно остывшим кофе, наряженная в вязаный свитерок с пуговицами.

Полина подумала, что это очень милая рукодельная мелочь, и ахнула, войдя вслед за Аглаей в комнату, где в вязаной одежде щеголяло буквально все! В вязаных юбках сидели горшки с цветами, вязаную шапочку с помпонами носили настенные часы, вязанные подушки покрывали стулья, кресла и диванчики, стаканчики с ручками красовались в вязаных шарфиках, вязанные коврики устилали полы, и вязанные же портьеры прикрывали клетку с попугаем.

Аглая бросила ключи от машины на стол и жестом фокусника сдернула эти занавеси. Попугай, бело-желтый, большой, тут же оживился и пополз по прутьям, цепляясь за них синеватым клювом.

– Кофеварка на тумбочке, – сказала Аглая, щедро насыпая попугаю зернышек из картонной коробки, – там и кружки, там и сахар. Печенье было, по-моему... или я съела уже? Не помню. Сделаешь кофе сама?

– Конечно, – сказала Полина и занялась кофе.

Она заметила, что Аглая перескочила на «ты», но это не царапнуло ее. Она понимала, что какие-то очень важные и грустные дела отвлекли Аглаю и ей не до церемоний. И еще – было в этом переходе что-то доверительно-дружеское, беззлобное.

Кофеварка загудела, и ей в ответ залился быстрым шелканьем попугай.

– Эти вязанные вещи удивительные, – сказала Полина, опускаясь на стул с чашкой кофе в руках.

– Это Сонечка, – рассеянно ответила Аглая, – Сонечка вяжет, остановиться не может... Нам нравится.

– Мне тоже.

Аглая взяла свою чашку, уселась за стол и включила ноутбук.

– Я сейчас посмотрю по базе, какие дела Центр мог иметь с твоим мужем, – сказала она. – У нас все ходы записаны.

Несколько минут Полина молчала в томительном ожидании, а Аглая, прищурившись, пила кофе и набирала что-то на клавиатуре.

– Вот, – сказала она. – Вот почему я его помню.

Сложив руки перед собой, она взялась объяснять, медленно и вдумчиво, постоянно что-то припоминая.

– Год назад мы участвовали в благотворительном форуме, рассказывали потенциальным спонсорам о наших целях и задачах. После форума Захаржевский написал мне письмо. Оно сохранилось: он пишет... ммм... вот – пишет, что ознакомился с нашей деятельностью, считает ее важной и актуальной, сожалеет, что проблема существует в развитом цивилизованном обществе... Он предложил встречу. Дважды я приглашала его к нам в Центр: приезжал, знакомился, общался. Однажды он пригласил меня встретиться лично. У меня записано: двенадцатого апреля, в шесть часов вечера, Вишневая улица, дом 17, Глеб З. Гугл-календари – так удобно, правда? Я в них влюблена. Итак, мы встретились, он рассказывал мне о том, что увидел пробелы в концепции работы Центра и предлагает серьезную финансовую помощь при условии, что будут внесены некоторые коррективы в эту концепцию. Я поинтересовалась, какие именно коррективы, и Глеб предложил мне взять на работу, по его словам, хорошего психотерапевта и психиатра, который якобы специалист по реабилитации женщин, пострадавших от всех видов насилия. Я внимательно ознакомилась с этой кандидатурой. Прочла статьи, отзывы, кое-что узнала об этом специалисте через знакомых и отказалась от предложения Глеба. Больше мы не виделись.

Аглая замолчала.

Полина, слушавшая ее, словно прозревала. Ну конечно же! Благотворительность! Глеб часто занимался благотворительностью, он видел в этом бизнес-выгоды. Все так просто!

– Поняла, – сказала она и смущенно рассмеялась, – прости, что приехала истеричка-истеричкой. Теперь я все поняла! Глеб правда хотел помочь. Знаешь, он очень хорошо разбирается в таких проблемах. Он бы мог каждой несчастной женщине подсказать, как себя вести, чтобы найти нового мужа. Или, если женщина так хочет остаться с прежним мужем, как ваша Ира Морозова, то он мог бы сказать, как ей наладить с ним общение! Если бы он посоветовал, тот бы никогда больше не тронул Иру, это точно. Меня Глеб ни разу не тронул.

Аглая слушала, спокойно и внимательно глядя прямо в ее глаза.

– Возьми мою визитку на всякий случай. И звони в любое время, – сказала она, когда Полина закончила болтать и начала собираться восвояси.

– Спасибо, – поблагодарила Полина и сунула визитку в карман кардигана. – Приятно было познакомиться.

– Подождите, – окликнула ее в холле Сонечка. – Презент от Центра!

Полина вернулась и получила в подарок только что связанный пушистый цветок, еще теплый от женских рук.

На улице пахло сиренью и свежей выпечкой. Полина покрутила носом и пошла на сладкий коричный дух. Ее немного пошатывало: отпустило нервное напряжение, и осталась только дрожь в ослабевших коленях.

Слегка волновало теперь только странное и неведомое ощущение свободы. Куда идти теперь? Завершать ли расследование?

Полина прокручивала в голове разговор с Аглаей и гордилась Глебом. Он так внимательно отнесся к проблемам женщин, что готов был стать крупным спонсором реабилитационного центра, рекомендовал центру специалистов... Наверняка и остальные женщины из списка (Полина действительно написала список имен и адресов и носила его в кармашке кардигана) тоже связаны с ним по работе или по делам благотворительности.

То, что Полина не была в курсе – так это в порядке вещей. Глеб мало когда заводил разговор о своих делах – говорил, что нечего ей об этом думать, да и ему не хочется обсуждать дома профессиональные вопросы. Дом – это раковина, тыл, уютное место для отдыха, а не филиал офиса. Полина знала об этом, и вопросы задавала обычно нейтральные: как настроение? Как погода? Что он хочет на обед?

Запах выпечки усиливался. Полина остановилась у витрин кофейни, увитой диким виноградом. За чисто вымытыми стеклами лежали аппетитные рыжие плюшки, пончики в белейшей пудре, толстые вафли с начинками. Дверь открылась, смеясь, выпорхнули две девушки, а за ними потянулся аромат крепкого кофе.

Полина шмыгнула в кофейню, не в силах удержаться. Она заказала капучино, две вафли с кленовым сиропом и десерт-корзиночку с кремом маскарпоне и припущенными в вине грушами.

Ей выдали флажок с номерком, и она присела у окна в венский соломенный стул. В кафе было тихо: в углу листала книгу пожилая леди с аккуратными завитками седых волос, да пила в уголке чай какая-то пара, переговаривавшаяся тихими голосами.

Полине нужно было время побыть наедине с собой. Раньше это время занимали домашние заботы, теперь же оно требовательно звало ее в уединение собственных мыслей.

Хотелось все разложить по полочкам. Первая полочка: Полина и ее прошлое.

По словам Глеба и по записи в паспорте, Полине тридцать пять лет. Родилась она в неполной семье и воспитывалась одной матерью. Об отце Глеб ничего не знал, но считал, что официально мужем ее матери он не был. Полинина мама, как он говорил, родила ребенка «для себя». С одной стороны, это был неблагоприятный поступок: ребенок должен расти в полной семье, а с другой – любая нормальная женщина хочет детей, вот и Полинина мама захотела и родила, что оценивалось Глебом положительно: нельзя бабе быть пустоцветом. Пустоцвет – это нереализованная баба, наплевавшая на свое природное предназначение. Она пошла против природы, и потому – никто в этом мире, пустышка, неродиха.

Полина вспомнила унижительную сдачу анализов на антимюллеров гормон. Сам анализ ничего особенного из себя не представлял: обычный забор крови. Но унижительность его заключалась в том, что Полину Глеб проверял, как породистую корову на удой, проверял ее возможность стать матерью. Ожидая результата анализа, Полина мучительно придумывала фразы, которые скажет Глебу, если ее фертильность окажется спорной: «Любимый, мы же не из-за детей вместе?»; «Я думаю, можно попробовать какие-нибудь гормональные средства, правда?» и «Ты же не бросишь меня из-за этого?..»

Глеб мог ее и не бросить: все-таки он любил ее. Так говорила Марго, а со стороны виднее. Но как тяжело было бы ощущать себя пустышкой-неродихой!

К счастью, анализ показал, что Полина вполне готова стать матерью.

И тогда произошел следующий разговор, к которому Полина не готовилась вовсе. Она считала, что с детьми можно повременить – год, два, три... Пока не восстановится ее память и не появится снова то желание иметь детей, которым она бредила прежде, до потери памяти.

Главное – у нее есть возможность, и реализовать ее можно когда угодно.

Глеб же придерживался другой точки зрения:

– Почему – не сейчас? – спросил он.

– Я пока не готова, – честно призналась Полина. – Я не очень хочу...

Ее действительно не радовали те образы, которые мелькали в голове. Вот она огромная, как дом, в фиолетовых отметилах стрий, неопрятно жует все подряд: мясо с чесноком, йогурт с колбасой, яблоки с майонезом. Вот она с опухшей от молока грудью лежит в безразмерной ночнушке, а к ней присасывается маленькое существо с красным лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.